

Особняк Чан Яньтяня в Пинчэне располагался в оживленном городском квартале.

Сегодня утром, едва поднявшись с постели, Чан Яньтянь почувствовал неладное. Он не мог точно сказать, что именно его тревожит, но предчувствие беды не отпускало.

Не успел он закончить утреннюю трапезу, как прибыли солдаты из военного лагеря. Это были личные телохранители Чжан Хуайвэня, доставившие его устное распоряжение. В сообщении говорилось, что, согласно последним сведениям, в лагере раненых несколько солдат предположительно заразились эпидемией, и Чжан Хуайвэнь просит Чан Яньтяня лично прибыть и осмотреть всё на месте.

Чан Яньтянь, разумеется, ответил, что понял суть дела и по пути обязательно заглянет. Проводив солдат Чжан Хуайвэня руками слуг, он остался сидеть в одиночестве.

Дела в лагере раненых никогда не входили в круг его обязанностей, и ему не было никакой нужды туда вмешиваться — там хватало своих ответственных лиц, занимающих должности рангом ниже. Однако к словам Чжан Хуайвэня формально не придерешься: эпидемия — дело государственной важности. Раз уж Чжан Хуайвэнь, который последнее время отлеживался дома, восстанавливая силы, обеспокоился и прислал его, Чан Яньтяня, чтобы продемонстрировать серьезное отношение к ситуации, то в этом не было ничего предосудительного.

И всё же Чан Яньтянь никак не мог отделаться от ощущения, что что-то здесь не так, хотя и не понимал, в чем именно кроется подвох.

— Пустяки, должно быть, я слишком осторожен, — пробормотал он себе под нос. — Раз велено — схожу. Загляну по пути, вот и всё.

Когда в лагере раненых узнали о прибытии Чан Яньтяня, люди почти никак не отреагировали. Какая разница, кто пришел? Куда больше радости вызвал бы приезд нескольких военных врачей или врачей.

Ответственный за лагерь проводил Чан Яньтяня и его свиту к барaku, где содержались солдаты с подозрением на болезнь. Внутри никто не заходил: все наблюдали за происходящим через широкие окна. Оконных рам было много, а вот бумаги на них не было, так что разглядеть всё можно было довольно отчетливо.

— Какие симптомы? — поинтересовался Чан Яньтянь.

— В основном диарея, есть и другие сопутствующие признаки, подозреваем малярию, — ответил ответственный.

Лицо Чан Яньтяня напряглось:

— Малярия? А военные лекари уже осмотрели их?

Не успел ответственный ответить, как в комнате один из солдат снова забился в приступе невыносимой боли в животе, катаясь по кровати и обхватив себя руками. Чан Яньтянь не вынес этого зрелища, развернулся и ушел. Ответственный проводил его в административную часть лагеря.

Обменявшись парой дежурных фраз, Чан Яньтянь собрался уходить, но, к его удивлению, у самого выхода дорогу ему преградили солдаты.

Один из его подчиненных тут же выступил вперед с вопросом:

— Дерзкие! Что вы задумали?

Солдаты оставались невозмутимы:

— Есть приказ вышестоящего командования: в связи с разгулом эпидемии всем входящим в лагерь раненых запрещен выход обратно.

Подчиненный Чан Яньтяня пришел в ярость:

— Это же генерал Чан, вы хоть смотрите, с кем говорите! Что за приказ такой? Кто его отдал?

Солдаты по-прежнему хранили молчание.

Разъяренный подчиненный Чан Яньтяня усмехнулся:

— Прочь с дороги! Убирайтесь, черт возьми!

Солдаты не сдвинулись с места, напротив, сделали шаг вперед и уставились на него в упор. Подчиненный Чан Яньтяня подумал, что какая-то мелюзга смеет вести себя так дерзко в его присутствии, и потянулся к оружию. Солдаты, почуввав неладное, вмиг обнажили свои клинки.

Раздался звон металла, когда оружие сторон скрестилось. В тот самый миг, когда конфликт готов был разгореться, послышался четкий, мерный топот — словно вода, разливающаяся вокруг, к ним стекались ряды солдат.

Солдаты охраны, не оборачиваясь, продолжали сдерживать натиск людей Чан Яньтяня. Сам же Чан Яньтянь и его окружение замерли, глядя по сторонам. Вокруг лагеря плотным кольцом стояло множество солдат, перекрывших все пути к отступлению.

Оружие из рук подчиненного Чан Яньтяня непроизвольно выпало на землю. Сердце самого Чан Яньтяня сжалось — дело принимало дурной оборот, всё было куда серьезнее, чем казалось на первый взгляд.

Во главе окруживших лагерь отрядов стоял молодой человек. Когда он подошел ближе, Чан Яньтянь узнал его — это был Хэ Тянь, человек Чжоу Чанъюя. У самого Чжоу Чанъюя не было полномочий отдавать такие приказы здесь, значит... всё верно. Человек, который сомневался в нем, — это Чжан Хуайвэнь.

По спине Чан Яньтяня побежал холодный пот.

— Генерал Чан, прошу прощения, — произнес Хэ Тянь. — Чтобы предотвратить распространение эпидемии, вынужден попросить вас временно остаться в лагере раненых.

Спрашивать о чем-либо было бессмысленно: при таком раскладе уйти сегодня не получится при любых обстоятельствах. Любые дальнейшие расспросы лишь выставят его на посмеище. Чан Яньтянь с досадой фыркнул, развернулся и зашагал обратно в лагерь. Его подчиненные, не переставая ворчать, последовали за ним.

Хэ Тянь, увидев, что цель загнана в клетку, усмехнулся про себя: Ишь, какие важные все, смешно смотреть! Господин Чжоу — человек куда более выдающийся, но и тот ведет себя скромно, как истинный благородный муж, а эти — ну просто ничтожества, строящие из себя невесть что.

Хэ Тянь отдал указания своим людям следить за Чан Яньтянем и его свитой. Охраны вокруг лагеря было предостаточно, так что можно было не бояться побега. Затем он лично раздал вознаграждение солдатам, которые имитировали симптомы малярии, и, взяв с собой несколько человек, отправился верхом обратно, чтобы отчитаться перед Чжоу Чанъюем.

<http://bllate.org/book/21697/2238597>